

Н. Гумилев

Жираф

В истории отечественной словесности есть имена-камертоны, само звучание которых призывает думать о явлениях куда более широких, чем конкретное их творчество. Одно из таких имен — Николай Гумилев. Как-то о себе он сказал:

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду...

Звездой, которую он «весело преследовал», были поэзия и страсть к путешествиям. Поэт и путешественник не боролись в этом человеке; они не только мирно уживались, но и были необходимы один другому, дополняли и взаимообогащали друг друга.

Стихотворение «Жираф» наполнено романтикой путешествий, экзотикой столь любимой поэтом Африки. Но стихотворение интересно не экзотическим «жирафом», а исследованием мира души.

Лирический герой, навидавшийся чужих земель и чужих небес, пытается развеять грусть своей безмолвной собеседницы. Он восклицает: «Послушай!», но не находит сочувствия. Герои пребывают в разных мирах: героиня обитает в реальном мире и не верит сказкам («ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя»). Лирический герой же весь во власти стремления постичь неизведанное, увидеть невиданное.

Почти буквальный повтор двух финальных строк в начале и в конце текста придает композиции стихотворения законченность и выразительность.

Каким большим содержанием наполнена пауза, указанная многоточием!

Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Эта психологическая пауза, действует как выразительное средство художественной речи, причем действует интенсивнее, тоньше и неотразимее, чем сама речь. Герои обречены на трагическое непонимание друг друга: слишком они разные.

Интересны сравнения, позволяющие читателю «увидеть» далекую, загадочную Африку: «вдали он подобен цветным парусам корабля...», «...волшебный узор, с которым равняться осмелится только луна, дробясь и качаясь на влаге широких озер».

Пятистопный амфибрахий с перекрестной мужской рифмовкой создает грустную и нежную интонацию, которая и в нас порождает неясную тоску по манящему «далёко».